

Только с его приходом не произошло ничего. Ещё вчера приезжали люди, которым был нужен мёд. А сегодня – звенящая тишина. И сколько бы он ни прислушивался к уличным звукам – покупателей не было, а значит, всё было напрасно. «Ну ничего, может, завтра...»

К вечеру, залив душевное горе рюмочкой «горькой» (о, да, этой «добродетели» от «друзей» хватало больше, чем еды и домашнего тепла), несчастный вновь задумался о пчёлах, ведь как-никак, а заботиться об этих тружениках природы нужно, и Человек заглянул в сарай.

Пожалуй, все, чем он когда-либо был богат, это абсолютная пустота. Пустота в жизни, в её смысле и в душе. В улье тоже было пусто. Пчёлы улетели. Он хотел, чтобы жили, не желал им зла. Но убирая накануне вечером тряпицу, не думал, что пчелы проявят к нему такое же безразличие, как и остальной мир, и снова оставят ни с чем. Человек думал: «Люди – такие же. Живут в своих ульях, делают вид, что занимаются общим делом, не замечают добра, которое им делают другие, и так же легко «пролетают» мимо чужой беды и судьбы».

Снова потянулись однообразные дни. Соты из улья Человек, конечно, съел. Съел, мучаясь угрызениями совести за содеянное. Съел просто потому, что нужно было что-то есть. Съел, отчаянно ненавидя себя за ту жизнь, которая, казалось, и не выбирала ему роль, а заранее её определила. Потом – зима. Снова холод, снова безразличный и жестокий мир. Но Человека грела мысль о том, что Бог зачем-то дал ему эту жизнь и не позволил уйти из неё ни в один из дней, когда он отбывал наказание за прежние «грехи», ни тогда, когда замерзал в холодных стенах своего старого дома, ни тогда, когда совсем не считал выпитые рюмки. И согревали доски, оставшиеся от пустого улья, которыми он